

ГУТКЕВИЧ А.П.

Я родился в 1917 году 15 марта. Отец мой был священнослужитель, диакон. Он работал в Алексеевском монастыре, а после был посвящён в священники и уехал на приход в село Приображенское, ближе к Алтаю, там я провел детство. Первый мой язык был украинский, село в основном из украинцев состояло, около 300 семей. После Рижского договора 1921-го г. родители вернулись в свой родной город, откуда были эвакуированы, в Белосток. Тем более оттуда пришло на них востребование. Отец мой воспитанник Виленского святодуховного монастыря. Отец учился хорошо, но денег на продолжение учёбы не было и единственный путь – отправление в монастырь. Отец получил там звание учителя пения. Потом был отправлен в Белосток и был сначала псаломщиком, а потом посвящен в диаконы и эвакуирован в 1914 в Томск. Отец был эвакуирован с двумя братьями.

В Польше я жил с 1922 года. Образование получил польское. В Польше было только 2 русских гимназии – в Бресте и Вильне. Денег на учебу там не было и я учился в Белостоке. В семье у нас было 6 детей. В Вильне училась старшая сестра, мы все остальные получили образование в Белостоке.

Трения между поляками и русскими возникли перед войной. Польские власти проводили политику полонизации. Появились первые священники, кто православные проповеди читали на польском языке.

Параллельно с гимназией мы с сестрой закончили музыкальную школу. Сестра – пианистка, я – скрипач. С семи лет я пел в церковном хоре. Участвовал во всех кружках и оркестрах, которые проходили в школе. После окончания гимназии я поехал в Вильну. Там я вступил в оркестр, мы играли в кафе, на танцах. В оркестре нас было 9 музыкантов. Позже 4х из нас завербовали в Варшаву. Один из нас – Гена имел патент на пение русских песен. Платили хорошо, но работа была тяжелая, с 24 до 6 утра. Я подумывал о поступлении в университет на богословский ф–т. Экзамены принимал митрополит, один из крупнейших ученых довоенной России. Он проживал в Пруссии и одновременно преподавал в Кенигсберге и Варшаве. Неделю там, неделю там. Его фамилия – Арсеньев. Он – полиглот. Летние отпуска проводил в Индии. Еще один видный ученый – грузин Перадзе, архимандрит с невероятной памятью.

В дальнейшем война пришла в Зап. Белоруссию. Вступление советских войск я встретил под Брестом. Я в то время жил на хуторе у товарища, на котором располагался крайний пост немецких войск. Немцы завербовали меня для работы переводчиком. Всех задержанных допрашивали, а я переводил. Через некоторое время я попытался вернуться домой. Университет я не закончил. Когда началась война, я был на Зем курсе. Меня пригласило работать белорусское общество переводчиком. Это общество было слишком политизировано, а я в то время был далек от политики. Я нашел работу в типографии, там я проверял немецкие тексты. Позже я работал в симфоническом оркестре дирижер, которого начал организовывать белорусский ансамбль песни и танца по ходатайству союза писателей Минска.

Он знал меня и пригласил работать, я согласился и первоначально был его правой рукой. Мы создали три группы: танцевальную, хоровую и музыкальную. Я был руководителем музыкальной группы. В день мы давали по 2-3 концерта, ездили по всей территории Западной Белоруссии. Итак, я работал в «Белорусском ансамбле песни и танца» под руководством Ширма Григория Александровича.

Одна из сотрудниц познакомила меня со своей сестрой, в то время когда я работал в типографии. Мы решили жениться. Она работала агрономом в учреждении типа районного. С большим трудом мне удалось уйти из типографии, т.к. меня не отпускали потому что я был единственным человеком, который хорошо знал язык. Там я стал работать заведующим продовольственного отдела, но тут стали подходить Советские войска и нас эвакуировали под конвоем в Пруссию, и взяли подписку, что мы вернёмся опять, когда будет отвоёвана эта территория. Мы с невестой поехали в Дрезден. Я

поступил на завод Цайса, работал электриком, т.к. в гимназии изучал серьёзно физику. Мой друг Бертран – морской офицер, был военнопленным, после его отпустили, и он тоже стал работать электриком на заводе Цайса. Мы подружились, и крупные работы выполняли вместе. Параллельно я ходил в церковь – это была бывшая посольская церковь, и там пел. Прихожане были русские, поляки и греки. Так я прожил в Дрездене до 1945 года. Бомбёжка Дрезден не затронула, т.к. вокруг города была промышленная зона, куда было вложено очень много французского и английского капитала. Только перед самым концом войны решили бомбить Дрезден. После я узнал, что готовилась к испытанию атомная бомба, но не успели её изготовить, и решили бомбить с помощью сильных налетов американцы и англичане.

Однажды взял я свою скрипку и пошёл в церковь, т.к. решил спрятать её там у псаломщика. Проходил мимо вокзала и как раз в этот момент начался налёт – это был первый налёт. Я успел дойти до церкви и укрыться там. Помню, что одна из бомб попала в газопровод одного дома и люди задохнулись от удушья газом. Налёт продолжался минут десять. Всё небо осветили, причём бомбили центр города, на промышленный район вокруг города не было сброшено ни одной бомбы.

Я вышел на улицу и собирался идти домой, и тут прозвучала вторичная сирена. Начался второй налёт – это было нечто ужасное. Центр города дотла разрушили, меня арестовали, продержали два дня, сняли арест, отпустили. Прошло две недели, при выходе из церкви меня опять задержали, это уже был настоящий арест. Тюрьма была временная и вечером, как-то послышался голос дежурного – «Есть ли электрик? Да», сказал я. Меня вывели и я починил электричество. Тут в комнату приема привели двух задержанных немецких солдат. И сидел один из солдатиков записывал, очень не грамотно, я подсказал ему, а тут рядом стоял начальник тюрьмы и спросил, знаю ли я немецкий. Я ответил что знаю, и на следующее утро меня вызывают в комнату приема и говорят, вот книга приема «Сядь, будешь записывать». Тут входит следователь и говорит начальнику: «Вот нашёл у немца бумажку, никто не может прочитать». Я прошу показать её мне, смотрю на тетрадном листке детским почерком по латыни написано письмо. Следователь удивленно спросил: «Как ты и латынь знаешь?», я отвечаю, знаю, и немецкий знаю. Начальник говорит вот хорошо, нам переводчики нужны, но у этого начальника через каждое слово мат, я послушал и стал отнекиваться, говорить, что я слабо знаю языки. В общем, мне едва удалось отказать.

Остался я только на приеме немцев, там проработал месяц, два. Затем нас отослали в лагерь на границе старой немецкой. Это была подготовка отправки в СССР. В лагере были все: немцы, русские, поляки, греки. Подходили эшелоны и нас стали в них садить, и отправлять. Я попал в один эшелон с очень интересным человеком. Немирович-Данченко преподаватель литературы и русского в Пушкино. Он прямой родственник писателя. В лагере мы дружили: он задумал цикл новелл, а я был его критик и рецензент. Он был специалист по Пушкину. В дороге он читал нам лекции по Евгению Онегину. Вместе с нами ехала группа врачей из Ленинграда. Нас привезли в Заполярный круг посёлок Хановой. Я был одет по летнему, а на улице 40-градусный мороз снегу по грудь. Хановой – это линия вечной мерзлоты. Там встречаются ветры Ледовитого океана и азиатские ветры. Через ущелье уральских гор дуют Восточные ветры. Поэтому там очень неустойчивая погода. Я заболел; попал в больницу мне нужно было перейти из корпуса в корпус между ними расстояние 25м, когда я вышел было спокойно, сделал 4 шага, как вдруг погода переменялась, и я еле дошел.

Нам надо было выкопать коридор в 200м, я сделал лестницу в сторону этого коридора, иначе пройти было нельзя.

О приговоре я узнал после года и 4-х месяцев. Приехал за нами следователь из г. Сыктывкара, нас шесть человек забрали во внутреннюю тюрьму КГБ. Меня вызвал на первое следствие капитан и говорит: вот мы получили ваше дело, но документов никаких нет. А я говорю: а какие могут быть документы, если меня не допрашивали, сразу

арестовали. Капитан сказал, что они получили сведения, что я работал с немцами. Я расхохотался. «Вы выдали себя, если бы вы получили сведения, вы бы получили сведения другого рода, я не работал с немцами». Затем меня передали младшему следователю. Начался допрос:

–Вы в церковь ходили?

–Ходил.

–Вы молились за то чтоб жил Гитлер?

–Православные молятся за то государство, в котором живут.

–Вы в типографии работали?

–Да, техническим исполнителем, что редактор даст, то и печатал.

Этого было достаточно, чтобы мне присудили 10 лет. Суд был закрытым, были вопросы и обвинения. Я поднял лишь один вопрос, чтобы засчитали мне время ареста. Это время более года, т.к. я не был задержан, а был арестован. Я в университете изучал право и знал, что есть постановления об аресте.

Судила меня военная коллегия. Это был прибалтийский военный округ. После суда меня отправили в пос. Железнодорожный – это было чуть ниже Полярного округа. Там я был недолго. Я быстро устроился в концертный ансамбль, который обслуживал лагерь. Концертировали не только по лаг. пунктам, но и по разным городам. Пошли слухи, что организуется лагерь, в который будут собирать 58 человек. Позже некоторых стали отправлять, меня пока не трогали, но в последний день отправки меня вызвали и тоже туда отправили. Лагерь находился в г. Интар, возле полярного круга. Там располагался небольшой поселок, там были угольные шахты. На окраинах и организовали наш спец. лагерь. Прием был очень строгий: нас раздели догола, прошупали, забирали все предметы, которые у нас были. У меня с собою был золотой крестик, удалось перевезти. У меня его отняли, обычно, когда забирают, то выдают квитанцию. Ничего подобного здесь не было. В трех шагах от меня был прокурор. Я спросил его, почему не выдали квитанцию. Он ответил, что она мне уже не понадобится. Это был 1947 год, судя по всему лагерь такого типа в СССР был первый. Бараки были длинные, делились на две половины. Режим в лагере был очень строгий, нельзя даже было переходить из одной половины в другую. Строем ходили в столовую, строем шли назад, малейшее нарушение сразу в БУР. Там держали несколько месяцев. Паек составлял 200 гр. хлеба в день. После нашего этапа привезли каторжников. Вообще настроение было жутким на протяжении пяти месяцев пребывания там. Здесь в лагере я встретился с интереснейшим явлением – северным сиянием. Однажды вечером в окнах появился красный отблеск, все подумали, что это пожар и выбежали на улицу, там мы увидели абсолютно красное небо, переливающееся иногда в темные полосы. Это явление мы наблюдали часа три. Такой мощи северного сияния на севере ни до этого, ни после этого не видел. После 5 месяцев в лагере начались послабления, «бытовщиков» ослабили из лагерей, начали заполнять чисто полит. заключенными – 58ст. Я попал во второй лаг. пункт. Там было 3 шахты: две малых, одна большая. Там я встретился с неким Трубецким, потомком князя Трубецкого, он там был фельдшером. Меня сразу попытались пристроить в сан. часть т.к. у меня были медицинские знания. Местный фельдшер удивлялась моим знаниям: я спокойно ставил диагнозы заключенным, выписывал лекарства. Не буду скромничать: я знал на много больше нашего фельдшера. Однажды из центральной больницы приехал доктор, он сам тоже заключенный. Это был крупный хирург – Богораза (сам себе ампутировал ногу). Сам он кореец по национальности, большой любитель скрипичной музыки. Он меня спросил, есть ли у нас в лагере скрипач, а я сам музыкант в симфонических оркестрах играл. Он позвал меня с собой в городской больнице работать, а мне что терять – в больнице хоть на работы не пошлют, я и согласился. Там в больнице я стал обучать его игре на скрипке. Он ко мне присматривался и спрашивает:

– Ты что и вправду медик?

– Ну да, умею кое-что.

– Ну ладно убедимся, вот тебе больной, только что перенесший операцию, у него был гнойный плеврит, если выходишь его, то я поверю что ты медик.

Я начал выхаживать его, он был страшно истощенным. Но за 3 месяца я его выходил. Начальник больницы был медик – поляк, бывший заключенный. Ему донесли, что появился медик-музыкант. А при больнице был небольшой оркестр в 5 человек. Когда я рассказал ему, что я жил и учился в Польше, он очень обрадовался и попросил меня с этим оркестром приготовить через 3 дня концерт. Я поговорил с ребятами, мы приготовили с ними несколько вещей и выступили. Удивление, конечно, было большое, т.к. на таком уровне их оркестр еще не играл. После нас заставили ходить в посёлок играть на танцах. Начальник назначил меня в больнице санинспектором. Я принял новое владение – кладбище, там было жутко. Торчит рука или нога, т.к. вечная мерзлота, грунт капать трудно, а копали выздоравливающие. Даже 15-20 человек не могли выкопать глубокую яму. Ставили на могилке крест, писали на нём фамилию и номер. Я пытался навести там порядок, но было трудно.

Затем построили новый больничный барак. Меня вызывает начальник и говорит, вот иди, принимай барак. Вначале там были одни выздоравливающие, но потом если было место, туда направляли и больных. Кроме этого на меня повесили ещё одну обязанность, осматривать заключённых женщин. Женского лагеря рядом не было, они были разбросаны в других местах, но в больницу их присылали центральную.

Обо мне узнали быстро в центре, где была музыкальная самодеятельность. Там был коллектив, около 30 человек, который ездил по этому лагерю (это уже был совсем другой лагерь). Когда они приехали к нам в больницу с концертом, сразу меня вызвали. Я поговорил с руководителем, он сказал, что через неделю меня этапом доставят к ним в лагерь. Но меня так и не смогли доставить, меня доставили сначала в пересыльный лагерь в Печоре, а после в Сыктывкар на суд. Я получил тогда 10 лет и после этого, опять-таки устроился в самодеятельность.

В Минлаге я сначала принял операционную. Принял весь инструментарий, он весь стальной – пила, долото и т.д. Все приборы были у меня в руках. Вся жизнь, чистота на моей шее. Причём я вынужден был работать в различных местах. Пробовал меня хирург, кстати, тоже из заключённых, фамилия Косматый, закончил Томский, но не томич, украинец. Вот он мне говорит: «Сегодня ты медсестра». И я стою на операции и подаю ему инструменты. Потом говорит: «Теперь становись наркотизатором». Я становлюсь у головы больного и начинаю давать наркоз. Наркотизатором я проработал месяц. Потом он мне говорит: «А теперь будешь моим помощником». Я начал ассистировать при операциях. Затем я был помощником у аптекаря – Татьяны Петровны, младший офицер в войсках МВД. Но эту область я знал не сильно, и мне пришлось опять заниматься. Через месяц я вошел в работу спокойно. Жил я прямо при аптеке, на зависть всем – единственное место, где жил один человек.

Большой смертности в лагере не было. Чаще была смертность от несчастных случаев, от разборок. Разборки были между уголовниками. Когда вели из бани уголовников, их поджидали человек шесть. Там очень сильная была группировка украинцев, они боролись с латышами, прибалтами. Один вечер я дежурил по поликлинике. Ночью в 12 часов приходит смена, слышу, человек кричит: в таком-то бараке убит человек. Я забегаю, смотрю, сидит человек, голова разбита топором и кровь льется. Я поднимаю сан. часть, хирурга.

В 1955 году в конце января я должен был освободиться, но я хотел освободиться до Нового года. Пошел к начальнику и говорю: «Я всегда добросовестно выполнял ваши указания, так разрешите мне уйти, я пойду работать зольщиком на самую тяжелую и вредную работу, там получали самые высокие зачеты: 2 за 1». Пошел я туда, но мне долго не дали там поработать, перевели в слесари. Когда я работал в физиокабинете, я часто делал всякие лечебные приспособления, например, суховоздушная лампа, и ребята лечили с их помощью поясницы. Поэтому до конца срока я работал слесарем.

Когда я вышел, мне некуда было деваться, и один товарищ позвал меня к себе. Он работал в геологоразведке, у него была комната, где он жил с женой. Он мне говорит: «Ты мне помог в лагере, поэтому приходи и живи, тебя здесь будут кормить». Так прожил 2 месяца, а после женился. У жены, из-за меня, были неприятности, так как я бывший заключённый. Она ушла в отставку и перешла в городскую больницу. Сначала, первые 2 месяца, я работал электриком на шахте, где работали заключённые. Как-то раз встретился я там с одним из врачей, который был в лагере. Он уже освободился и работал в городской поликлинике. Он схватил меня за руку и привёл к заведующему этой больницы, которому говорит: «Вот привёл к вам нашего профессора, он там у нас чудеса творил». Глав. врач спросил есть ли у меня диплом, я ответил что нет. Он сказал, что у них есть место медбрата в хирургии и пойду ли я туда. Я согласился и стал там работать. Через несколько дней во время обеденного перерыва медсестра принесла ребёнка на руках и говорит: «Спасите его». Спасти его не удалось. Вскоре меня перевели на машину скорой помощи и посылали на особо важные вызовы.

Однажды к нам в сан. часть приехала женщина варенголог, она осматривала больных, которых я лечил. Она предложила мне работу в Республике, но я отказался, так как я был связан с музыкой, участвовал в самодеятельности, у меня здесь жена и вообще квартирный вопрос в республике стоял остро.

В звании исполняющего обязанности врача я вышел на пенсию. Я заочно поступил на фельдшерский факультет в Ярославле, с отличием закончил, кроме истории партии, у меня по ней 4 балла. На пенсию я ушел в 1972 году и сразу же приехал в Томск.

Отец все время жил в Польше. Мы с женой и дочерью к нему ездили. Сначала умерла мама в Белостоке, потом отец. Брат работал в Белостоке художником.

Еще один момент: 1953 год умер Сталин, я в это время находился в лагере, у нас там работал один врач-«стукач». Однажды вечером он приходит ко мне и говорит «Пойдем, мол погуляем». Я согласился. Он меня спросил «Ну как вы думаете, как теперь будет?». Я ему говорю: «Знаете если судить меня и вас, то меня надо освободить, а вас расстрелять». Он спросил почему. А я ответил ему: «Вас воспитала Советская Власть, на вас такие суммы затрачены, а вы против нее же и пошли».

Записал В. Ханевич